

Иосиф Дзялошинский

Corporate Social Responsibility: Wege der Begründung

Корпоративная социальная ответственность: поиск обоснований

*Счастливы те, кто щедры во все времена.
Псалмы, 106:3*

Концептуальные вопросы

Проблематика корпоративной социальной ответственности в последние годы привлекает внимание многих исследователей. При этом большинство публикаций отличается позитивной, если не сказать восторженной, интенцией авторов, полагающих, что корпоративная социальная ответственность и есть та волшебная палочка, с помощью которой можно решить многие социальные проблемы. На мой взгляд, не всё так просто. И для того, чтобы объективно оценить значимость корпоративной социальной ответственности, необходимо найти ответы на несколько вопросов. Попробуем ответить хотя бы на два из них на примере такой существенной сферы корпоративной социальной ответственности как благотворительность.

Первый вопрос, который кажется детски наивным, формулируется очень просто: **Что такое благотворительность?**

Очевидно, что ответ на этот вопрос предполагает выбор какого-то концептуально-понятийного аппарата. В качестве такового в рассматриваемом случае можно предложить мораль, религию, экономику или корпоративную политику. То есть благотворительность можно рассматривать как требование морали, религиозный постулат, элемент экономических выгод или часть корпоративной политики.

Однако я полагаю, что наиболее перспективными концептами, в рамках которых можно более или менее удовлетворительно описать благотворительность, являются *теория деятельности* и *теория социальной коммуникации*. О коммуникационном подходе к благотворительности мне уже приходилось писать.¹ Это подход

¹См.: Дзялошинский И. Герменевтика благотворительности. – URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/germenevtika.htm>

интересный, но явно не основной. В качестве основного, по моему мнению, надо рассматривать деятельностный подход.

С точки зрения этого подхода благотворительность рассматривается как система, основными элементами которой, нуждающимися в глубоком анализе, являются:

- инициаторы (субъекты) благотворительности;
- адресаты благотворительности;
- цели благотворительности;
- мотивы благотворительности;
- принципы благотворительности;
- поводы благотворительности;
- предмет благотворительности;
- посредники, возникающие между благодетелем и нуждающимся;
- институты благотворительности;
- ресурсы благотворительности;
- технологии (способы) благотворительности;
- эффекты благотворительности.

Возможно, есть и другие элементы этой системы.

Вопрос второй: **Зачем нужна благотворительность? В чем ее социальный смысл** (не цели, а именно смысл)?

С точки зрения деятельностного подхода, любая деятельность представляет собой сложно организованную систему, имеющую три уровня:

- 1-й уровень – технологии;
- 2-й уровень – идеология;
- 3-й уровень – философия.

Понятием **«технологии»** обозначается совокупность способов деятельности, прошедших практическую и научную проверку, доведенных до совершенства и представленных в виде такого алгоритма, который может быть многократно использован для решения сходных задач, достижения заданных результатов в рамках данного вида деятельности.

Что касается **идеологии**, которая позволяет объяснить и обосновать действия индивида или организации, то здесь ситуация более сложная, поскольку обычно приходится иметь дело с некоторым множеством идеологий, которые формируют и разрабатывают для себя и под себя практически все действующие в пространстве той или иной деятельности субъекты. Множество «идеологий» конкурируют друг с другом в борьбе за сознание тех профессионалов, которые обеспечивают, в конечном итоге, выигрыш наиболее удачной идеологии, приносящей наибольшие дивиденды.

В фундаменте социальных технологий и идеологий лежит более глубокий пласт оснований, связанных с архетипами, алгоритмами, языковыми дискурсами, «археологией» и историей данного вида деятельности. Именно эти основания, иногда трудно артикулируемые, но придающие смысл деятельности, можно назвать ее *философией*.

Эти рассуждения имеют прямое отношение к той сфере социальных практик, которая называется благотворительностью. Не акцентируя внимание на технологических аспектах благотворительной деятельности, о которых написано немало работ², остановимся на идеологической стороне этой деятельности. Благотворительность существовала во все времена. Однако, принимая разные формы, она опиралась на различные схемы идеологических обоснований.

1. Стремление к справедливости и всеобщему благоденствию как обоснование благотворительности.

В архаических обществах смысл благотворительности заключался в общинном противодействии чрезмерному обнищанию некоторых членов общины. Под эту социально понятную обязанность благополучных членов общины подводилась внушительная идеологическая база. Дело доходило до того, что благотворительность рассматривалась не просто как помощь конкретному члену общины, а как преодоление общей несправедливости мира. В Талмуде благотворительность обозначается словом *цдака* (צדקה). Поскольку это слово означает буквально «праведность» или «справедливость», то сам выбор его свидетельствует об отношении законодателей Талмуда к благотворительности. (Одновременно это означает, что комментаторы святых книг хорошо понимали несправедливость Бога, создавшего этот несправедливый мир. Чтобы выкрутиться из этой щекотливой ситуации, мудрецы придумали замечательную формулу: «Всевышний мог бы распределить богатство поровну между всеми людьми. Но если бы все были богатыми или бедными, то кто был бы щедрым?».)

Категория «справедливость» относится к числу часто употребляемых в самых разных дискурсах: политическом, юридическом, публицистическом, житейски-бытовом. Объясняется это как очевидной несправедливостью окружающего мира, так и предельной размытостью

² Бахмин В. И. О фондах в России. - М.: Логос, 2004; Баранова И., Здравомыслова О., Кигаи Н., Киселева К. Отношение населения к благотворительности в России. - М.: САФ-Россия, 2001; Благотворительность в России: концепция трансформации в эффективный инструмент социальной политики: аналитический отчет Союза благотворительных организаций России. - М., 2001; Благотворительность в современной России: Законодательство, методология, практика / Под общ. ред.: Шлосберга Л.М.; Псков. регион. Центр развития некоммерческих орг. «Второе Дыхание». - Псков: Возрождение, 2003; Григорьев С. И. и др. Теория и методология социальной работы. - М., 1994; Иванова Е. В., Иванова Ж. Е. Зарубежный опыт социальной работы в рамках российской благотворительности. - М., 2001; Никитинский Я. Трудно делать добро. - М.: Институт «Открытое общество», 1997; Сайтбагин А. Р. Технологии благотворительной деятельности общественных объединений. - СПб.: Изд-во «Петербург – XXI век», 2001 и др.

смыслового наполнения этого понятия. Студенты московских вузов, которых попросили в письменной форме дать ответ на вопрос: «Что такое справедливость?», разделились на три основные группы (в опросе участвовали 400 человек):

1) 46 процентов участников опроса пришли к выводу, что справедливость есть принцип организации общественной жизнедеятельности, обеспечивающий правильное распределение ресурсов (38 %) и равенство возможностей (8 %);

2) 23 процента опрошенных в той или иной форме указали на то, что справедливость выступает в качестве регулятора - нравственного или законодательного - межчеловеческих отношений;

3) 20 процентов опрошенных жестко и однозначно отказались давать какое-либо внятное определение этого понятия, так как, по их мнению, либо «нельзя дать определение тому, чего не существует», либо «у каждого есть свое понимание справедливости».

Остальные участники опроса, выбрав вариант «Другой ответ», не расшифровали его.

Если не слишком усложнять ситуацию, то очевидно, что социальный смысл концепции справедливости определяется стремлением людей к благоденствию. Толкование слова «благоденствие» в разных источниках дается без существенных расхождений. Корень слова – *благо*, т.е. «все доброе, полезное, служащее к нашему счастью» (словарь В. Даля). *Благоденствие*, или благоденство, – счастливая, благополучная жизнь, покой, мир и довольство (В. Даль); это спокойная и счастливая жизнь в довольстве, полная обеспеченность (С. Ожегов).

Исследованием теории общественного благоденствия занимались многие ученые с древнейших времен (Платон, Аристотель). На современном этапе развития науки – с начала XX века – среди зарубежных ученых выделяются: Б. Аккерман, Э. Гутманн и Д. Томпсон, У. Кимлика, Дж. Маджоне, Л. фон Мизес, Р. Нозик, Дж. Ролз, А. Сен, Ч. Тейлор, М. Фридман, Ф. А. фон Хайек³.

³ Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 138–190 (URL: <http://www.irs.ru/~alshev/kymlicka.htm>); Маджоне Дж. Социальная политика и управление: Идеи, интересы и институты // Политическая наука: новые направления / Науч. ред. Е. Б. Шестопап. – С. 589–600; Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. – М.: Начала-Пресс, 1994 (URL: http://www.libertarium.ru/l_libmises_mises); Мизес Л. фон. Индивид, рынок и правовое государство: Антология. – СПб.: Пневма, 1999. (URL: http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/miz/es_00.htm); Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008; Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995; Сен А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство, 2004; Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18) (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/4/tailor.html>); Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007; Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005; Он же. Судьбы либерализма в XX веке. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009; Ackerman B. The Future of Liberal Revolution. – New Haven & London, 1992; Gutmann A. and Thompson D. Why Deliberative Democracy? – Princeton University Press, 2004 (URL: <http://www.pupress.princeton.edu/chapters/s7869.pdf>).

Характеристикой человеческого счастья – показательной для качества жизни человека и благоденствующего общества – занимались М. Аргайл, Р. Айдинян, П. Брюкнер, И. Джидарьян, Б. Попов, С. Франклин и др.⁴

Проблеме благоденствия посвятили свои исследования Е. Агапова, В. Бобков, Е. Давыдова и А. Давыдов, Л. Дартау, Ю. Мизерницкий и А. Стефанюк, Г. Зараковский, Б. Каверин, Н. Римашевская⁵.

В работах этих и многих других авторов подчеркивается, что благоденствие – это приемлемый и желаемый уровень и качество жизни, это возможности для процветания, условия для обеспечения материальных потребностей (а именно: средства на приобретение товаров и услуг, возможность выбора среди них, гарантия качества предоставляемых товаров и услуг), которые логично дополняются условиями для нематериального обогащения, или духовного развития⁶.

Либеральное (или социально-либеральное) толкование проблематики общественного благоденствия представлено американским философом Джоном Ролзом в фундаментальном произведении «Теория справедливости» (1971 г.). Дж. Ролз описал идеальные условия, в которых концепция справедливости должна вырабатываться, реализовываться и поддерживаться. В его системе «вполне упорядоченное» общество за «занавесом неведения» заключает исходное соглашение по принципам справедливости, стороны соглашения исходно равны и рациональны, и благо здесь – «удовлетворение рационального желания»⁷. Соглашение происходит с учетом двух фундаментальных принципов справедливости – принципа свободы и принципа дифференциации. По первому принципу, людям должны быть предоставлены права на максимальную, по возможности, совокупность равных основных свобод. По второму принципу, «социальные и экономические неравенства должны быть устроены так,

⁴ Аргайл М. Психология счастья. – М.: Питер, 2003; Айдинян Р. М. Трактат о счастье. – СПб.: Алетей, 2008; Попов Б. Н. Взаимосвязь категории счастья и смысла жизни. – М., 1986; Брюкнер П. Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье. – СПб., 2007; Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001; Franklin S. S. The psychology of happiness: a good human life. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Счастье – компромисс иллюзий и объективности. – URL: http://www.global-project.ru/happiness_map/

⁵ Агапова Е. Н. Уровень и качество жизни населения: Дис. ... канд. эконом. наук. – СПб., 2003; Бобков В. Н., Горлов И. С., Гулюгина А. А., Денисов Н. А. и др. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-2005 гг.). Монография. – М.: ВЦУЖ, 2007; Давыдова Е. В., Давыдов А. А. Измерение качества жизни. – М.: Институт РАН, 1993; Дартау Л. А., Мизерницкий Ю. Л., Стефанюк А. Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: Синтез, 2009; Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. – М.: Смысл, 2009; Каверин Б. И. Формирование уровня и качества жизни личности (социокультурное измерение) // Социология образования. – 2008. – № 4. – С. 56–66; Римашевская Н. М., Римашевский А. А. Равенство или справедливость. – М.: Финансы и статистика, 1991.

⁶ При этом надо иметь в виду, что представители разных социальных групп имеют неодинаковое представление о счастье, о благоденствии и о собственных перспективах. Кроме того, в свете изучения теории общественного благоденствия актуальна неизбежная проблема общего блага: им всегда пользуются также и те, кто не принимал никакого участия в разработке этого блага.

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. - С. 36.

чтобы они были (а) к наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших и (б) делали доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей»⁸.

Дж. Ролз постарался обосновать принцип взаимной выгоды для эффективного общественного сотрудничества, и в его идеальной модели ситуация полной взаимной выгоды для всех групп возможна. Очевидная проблема заключается в том, что такая идеальная схема недостижима в реальных условиях. В частности, американский политический философ Роберт Нозик писал: «Ролз не доказал, что более обеспеченный человек А не имеет оснований для недовольства тем, что от него требуют обойтись меньшим, чтобы В мог иметь больше, чем он имел бы в другом случае. Ролз не может доказать этого, потому что у А действительно (курсив Р. Нозика) есть основания для недовольства»⁹.

Работа Дж. Ролза вызвала большое оживление в научном мире, послужила предметом споров и источником для развития новых теоретических направлений – либертариизма и коммунитаризма.

Представителями школы либертариизма являются Ф. фон Хайек, Р. Нозик, Л. фон Мизес, М. Фридман. Австрийский ученый Фридрих Август фон Хайек представлял теорию индивидуализма и конкуренции. Осуждая коллективизм и плановость и предупреждая о негативных последствиях их возрождения («Дорога к рабству», 1956), Ф. Хайек отстаивал либертарианские взгляды о необходимости соблюдения человеческих прав и свобод – вплоть до самых, казалось бы, незначительных. Даже свобода в выборе работы необходима человеку для «ощущения благополучия»¹⁰, – писал он. «Благодеяние народа, так же как и счастье одного человека, зависит от множества причин, которые слагаются в бесчисленное множество комбинаций. Его нельзя адекватно представить как единую цель: разве что как иерархию целей, всеобъемлющую шкалу ценностей, в которой всякий человек сможет найти место каждой своей потребности»¹¹. Именно поэтому в плановых экономиках благодеяния быть не может. Интересен нетривиальный вывод Ф. Хаейка: формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности. Ведь чтобы политика давала одинаковые результаты применительно к разным людям, с ними надо обходиться по-разному»¹².

Что касается институционального оформления благодеяния, ученый выказывал уверенность, что на социальные силы и институты

⁸ Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. - С. 84.

⁹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. - С. 247, 249.

¹⁰ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005. - С. 76.

¹¹ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005. - С. 49.

¹² Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005. - С. 65.

можно воздействовать только искусными техниками и ненасильственными методами, так как институты меняются лишь в ходе эволюции. Это означает ограниченность попыток повлиять на все институты, как способствующие, так и препятствующие распространению общественного благоденствия.

Как и Хайек, американский ученый Роберт Нозик выступал от имени либертарианского течения и многие свои положения строил в полемике с Дж. Ролзом¹³. Р. Нозик доказывал необходимость ненасильственной схемы распределения материальных благ, ставя принцип свободы выше принципа равенства. Его концепция благоденствия не предполагает насильственных действий против людей, если только эти люди сами не нарушили чужие свободы. Нозик привел центральное либертарианское ограничение: «есть разные люди, живущие каждый своей жизнью, и ни одним нельзя пожертвовать для других <...> люди обладают независимым существованием и не являются ресурсом для других людей»¹⁴. Из этого следует «запрет на агрессию против других»¹⁵. В ходе своих научных изысканий Р. Нозик пришел к выводу о неизбежности и необходимости существования «минимального государства», исполняющего исключительно защитные функции для охраны жизни и собственности граждан от насилия.

Милтон Фридман в работе «Свобода выбирать» (1980 г.) также не рекомендовал ставить равенство выше свободы – иначе не получится достичь ни того, ни другого. Из блага свободы, – писал М. Фридман, – выводятся такие важные блага, как разнообразие и мобильность, а они, в свою очередь, обеспечивают потребность людей самим для себя выбирать риски, потребность в конкуренции. Рыночная конкуренция хороша тем, что при ней растет «общий пирог», вследствие чего все могут получить большие «куски». М. Фридман критиковал альтернативу конкуренции – политику свободных действий правительства, его непомерный патернализм. Ученый предостерегал об опасности увеличения силы государства, пусть и ради мнения, что «правильные люди» у руля сильного государства сделают много хорошего: это вряд ли возможно, негодные средства могут извратить благие цели¹⁶. Возвращаясь к своей идее, М. Фридман писал, что «в целом, рыночная конкуренция <...> защищает потребителей лучше, чем альтернативные правительственные механизмы»¹⁷.

¹³ Аспекты полемики разобраны Т. А. Алексеевой. См.: Алексеева Т. А. Альтернативы деонтологическому либерализму: либертариизм и коммунитаризм // Современные политические теории. Опыт Запада: Курс лекций / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2000.

¹⁴ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 57.

¹⁵ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 58.

¹⁶ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 346.

¹⁷ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 256.

Альтернативное либертарианству течение коммунитаризма представлено в исследованиях Ч. Тейлора и А. Сена.

Чарлз Тейлор повел научный спор с теми, кто заявляет, что социальные блага типа национальной обороны полезны постольку, поскольку они приносят выгоду каждому из индивидов (в этом он полемизировал с учением атомизма). Ч. Тейлор утверждал: есть немало случаев, когда благо объединяет индивидов в коллектив и приносит пользу коллективу в целом. Яркий пример – культура, которая не является индивидуальным благом. Детализация вопросов блага и права на таком уровне, как у Тейлора, полезна для выработки действительно эффективной и реализуемой теории общественного благоденствия¹⁸.

Амартия Сен представил свою позицию: процесс исторического развития эквивалентен процессу расширения человеческих свобод; при этом универсальным средством достижения свобод и обеспечения «хорошей» жизни является материальное богатство¹⁹.

В фундаментальном политологическом издании «Политическая наука: новые направления»²⁰ в ряде статей также затронута тема социального благоденствия. Так, итальянский специалист по сравнительной политологии Джандоменико Маджоне²¹ пишет об эффективности социальной политики и кризисе государства всеобщего благоденствия. В этом же издании кратко освещена тема «Понятие социальной справедливости и теория прав человека на благосостояние»²². Она относится к общей проблематике политической теории, изложенной американским профессором А.М. Янгом в контексте дискуссии о сочетаемости свободы и равенства.

Интересную версию понятия общественного благоденствия предлагает ЮНЕСКО. Эта международная организация рассматривает общество благоденствия через концепцию общества знаний. Основные принципы ЮНЕСКО: свобода слова, расширение доступа к информации и знаниям, содействие культурному разнообразию, равный доступ к качественному образованию²³. Осуществление концепции, в частности, предполагает сокращение информационного разрыва между развитыми и развивающимися странами.

¹⁸ Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18); URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/4/tailor.html>

¹⁹ Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нурева. – М.: Новое издательство, 2004.

²⁰ Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. Науч. ред. Е. Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999.

²¹ Маджоне Дж. Социальная политика и управление: Идеи, интересы и институты // Политическая наука: новые направления. – С. 589–600.

²² Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. - С. 455.

²³ Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знаний. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf>

2. Благотворительность как разумное вложение капитала.

По мере усложнения отношений в общине понадобилось более сложная доктрина. Вот как ее реконструируют современные толкователи: «С точки зрения цифр может показаться, что занятие благотворительностью ухудшает финансовое положение человека. Но если мы признаем, что Б-жье благословение является первоисточником богатства, то благотворительность следует рассматривать как самое разумное вложение капитала. Человек, у которого возникали финансовые затруднения, должен увеличить свой вклад в благотворительные цели, тогда он сможет рассчитывать на Б-жье благословение. «Платите десятину, чтобы иметь возможность преуспевать», – говорят наши мудрецы (*Талмуд, Таанис, 9а*). Благотворительность открывает пути для получения богатства с Небес. Действительно, прежде чем определить, в какой мере благословить человека, Б-г часто наблюдает за тем, сколько он отдает из уже имеющегося богатства на нужды другим»²⁴. Другими словами, благотворительность – это способ завоевать себе благословение Божье.

3. Благотворительность как способ продемонстрировать свою приверженность христианским ценностям.

Христианство, независимо от конкретной формы своего воплощения, впитало эти идеи и добавило к ним новые. В частности, речь идет о таких ценностях, как равенство и свобода. «Обе эти ценности числились среди фундаментальных основ христианской традиции, с которой идентифицировали себя европейцы – и это казалось вполне естественным. С одной стороны, религия, претендующая на универсальный характер, не могла не проповедовать равенство своих адептов – пусть даже такое ограниченное, как равенство перед лицом Всевышнего («Нет предо мною ни эллина, ни иудея» – говорит Иисус; Ветхий Завет рассказывает, что человек был создан Господом одним и единственным – прежде всего для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»). С другой стороны, сама идея грехопадения – как и вся моральная доктрина христианства – предполагают за человеком возможность выбора между добром и злом, и тем самым утверждают свободу воли, которая лежит в основе всех остальных свобод человека. Таким образом, в рамках христианской традиции удачно соединились идеи равенства и свободы – что и определило способность принявшей эту доктрину цивилизации к быстрому поступательному развитию. Более того; это развитие было тем успешнее, чем жестче церковь была отделена от государства и чем мощнее были ее позиции («подъем христианской церкви [как

²⁴ Благотворительность и богатство. – URL: <http://www.chassidus.ru/library/jacobson/charity.htm>.

противовеса мирской власти] – первейший источник свободы на Западе», утверждает Ф. Закария)»²⁵.

Понятно, что резкое расслоение общины на имущих и неимущих противоречило основополагающим идеям свободы и равенства. Благотворительность была прекрасным способом доказывать свою приверженность этим ценностям. Тем более что «в XVIII-XIX столетиях западные философы вышли за пределы христианской теории равенства и свободы. Они сочли, что равенство должно распространяться не только на религиозную, но и на социальную сферу, потребовав отмены сословий; и что свобода должна доминировать также и в политической области – вплоть до свободы выбора не только веры, но и правительства. Справедливости ради нужно заметить, что истоки этих представлений вполне могут быть обнаружены у святых отцов западной церкви. Так, например, в начале XIII века св. Фома Аквинский говорил о том, что подчинение слабого сильным, неизбежное в ходе становления общества, не должно стать базой социального строя и в перспективе будет искоренено; он же настаивал на том, что «если группа свободных людей руководима правителями во имя общего блага всей группы, такое правительство оправданно и справедливо, как отвечающее потребностям людей; если же правительство создается не для общего блага всех, а во имя частного интереса правителя, оно будет несправедливым и извращенным правительством»²⁶.

4. Благотворительность как способ уменьшения социальной напряженности.

Совсем другой смысл благотворительность приобрела во времена расцвета классического капитализма, или, как сейчас говорят, в эпоху модерна. И, как свидетельствует В. Иноземцев, если за судьбы политического равенства можно было «не волноваться» уже к началу XIX века, когда американская и французская революции провозгласили равенство граждан перед законом и объявили народ источником суверенитета, то борьба за экономическое равенство только еще начиналась. Сначала так называемые «утописты» начали рассуждать о некоем идеальном государстве, граждане которого хотя и бедны, но уравниены в экономических правах; затем Ш. Фурье и немецкие коммунисты осудили буржуазное общество как воспроизводящее неравенство; потом К. Маркс и Ф. Энгельс создали концепцию, согласно которой капиталисты обогащаются за счет эксплуатации рабочих, которые лишены средств производства и потому вынуждены продавать свою рабочую силу. Основной задачей с этого момента провозглашалось

²⁵ Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. - М.: Алгоритм, 2007. - С. 10-11.

²⁶ Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. - М.: Алгоритм, 2007. - С. 11-12.

устранение этой эксплуатации и тех социальных условий, которые делали ее возможной. Основоположники марксизма – и в этом вряд ли стоит сомневаться – были искренне уверены в осуществимости этой благородной задачи и боролись за ее воплощение в жизнь.

Современные общества Запада стали индустриальными уже в конце XIX века. Однако имущественное неравенство, сопровождавшее процессы промышленного развития, достигло к тому времени уровня, явно угрожавшего социальной стабильности. Наиболее дальновидные представители имущих классов понимали, что благотворительность может выступить прекрасным средством снятия социальной напряженности, заменителем социальной революции. Как свидетельствует профессор питерского филиала Высшей школы экономики Даниил Александров, первые крупные американские фонды – Пибоди, Карнеги, Рокфеллера и Сейдж – были созданы до принятия первого федерального закона 1913 года, предоставившего налоговые льготы при передаче части доходов благотворительным организациям²⁷.

Как пишет Д. Александров, в Америке до 1910 года по статистике было основано 146 различных благотворительных фондов. При этом желание завещать деньги на благое дело или даже передать их при жизни, никак не было связано вначале с надеждой на освобождение от налогового бремени. Более того, общая статистика движения денежных средств, принадлежащих фондам, не показывает резкого роста объемов финансирования, выделяемых на благотворительность после 1913 года, хотя, конечно, число фондов и их суммарные активы продолжали все время расти²⁸.

Однако, что очень важно, учредители этих фондов были уверены, что сумеют более грамотно использовать имеющиеся ресурсы для борьбы с социальным злом во всех его формах, таких как нищета, безработица, неграмотность, фанатизм, чем это сумело бы сделать федеральное правительство США, забирая оно в свое время все эти деньги в виде налогов.

По аналогии с созданием крупных холдингов или трастов в сфере экономики в области благотворительности бизнесмены стали организовывать крупные корпорации с диверсифицированными интересами. Недаром главный фонд Карнеги, основанный в 1911 году, назывался «Корпорация Карнеги в Нью-Йорке». Развитие фондов, несомненно, шло в атмосфере конкуренции между их основателями, вышедшими на новый рынок – рынок благотворительности, где возврат инвестиций происходил в символической форме престижа.

²⁷ Александров Д. Системная благотворительность. – URL: <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>

²⁸ Александров Д. Системная благотворительность. – URL: <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>

Социальная ответственность бизнеса в поисках теоретических обоснований

В настоящее время идея благотворительности трансформировалась в концепцию социальной ответственности. Эта концепция обосновывает положение о том, что бизнес несет ответственность не только за соблюдение законов и производства качественного продукта или услуги, но и добровольно берет на себя обязательства перед обществом, работает на улучшение качества жизни людей. Предполагается, что бизнес должен направлять часть своих ресурсов и усилий на социальное развитие общества. Более того, в обществе сложились определенные представления и стереотипы того, как должна вести себя организация, чтобы считаться добропорядочным корпоративным членом общества.

Существуют три основных теоретических обоснования концепции социально-ответственного бизнеса. Первое, включающее *теорию корпоративного эгоизма*, подчеркивает, что единственная ответственность бизнеса - увеличение прибыли для своих акционеров. Вторая точка зрения - *теория корпоративного альтруизма* – обосновывает, что корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества жизни. Третью позицию представляет одна из самых сильных «центристских» теорий, *теория «разумного эгоизма»*, согласно которой социальная ответственность бизнеса - это просто «хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери прибыли. Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и, следовательно, устойчивые прибыли.

В настоящее время наиболее распространены две модели социальной ответственности: американская и европейская. В американской модели доминирует филантропия, когда компания делится частью прибыли, вкладывая ее в общественно-полезные инициативы – жертвует на благотворительные нужды. С точки зрения инвестора благотворительная деятельность свидетельствует о социальной устойчивости компании, что при прочих равных условиях делает ее более привлекательной для вложений. К тому же, именно эта модель находит наибольшее понимание со стороны населения, общественных организаций и персонала. Негативной стороной американской модели является распространенное среди населения мнение, что компания, активно вкладывающая в благотворительность, отмывает деньги.

Социальная ответственность по-европейски - это включение социальной деятельности в общую стратегию создания добавленной стоимости компании. Все финансируемые мероприятия в рамках такой

модели работают на максимизацию прибыли. Наиболее распространенными объектами инвестиций являются:

- развитие персонала компании;
- вклад в развитие муниципальных образований, где расположены производственные мощности компании;
- природоохранная деятельность;
- развитие науки, образования и технологий;
- благотворительные вложения с участием сотрудников компании;
- программы приведения деятельности компании в соответствие с мировыми отраслевыми стандартами.

Российский бизнес также начал переходить от форм чистой благотворительности к стратегиям, где социальная ответственность уже стала частью корпоративной культуры.

Российские специалисты, выбравшие в качестве ориентира американскую модель благотворительности, утверждают, что «развитие благотворительности в России давно переросло рамки традиционного меценатства и безвозмездной помощи обездоленным. Конечно, и сейчас существует много добрых людей, готовых жертвовать по велению сердца, не задумываясь о программности своих действий. Но появилось и другое понимание благотворительности. Крупные предприятия выработали свои социальные программы, которые вписываются в концепцию социальной ответственности бизнеса»²⁹.

В другом документе утверждается, что «стойкая тенденция последних двух лет – «мода» на благотворительность. Все больше компаний и предпринимателей – представителей не только крупного, но и среднего, и мелкого бизнеса, – охотно тратят средства на благотворительные цели».³⁰

Под эту тенденцию подводится солидная теоретическая и нормативная база. И есть огромное количество аргументов, доказывающих позитивность этой тенденции.

Однако если снять флёр наукообразности, то речь идет об очень простых тезисах.

1. Есть богатые люди и богатые организации. Есть бедные люди и бедные организации. Богатые должны помогать бедным.

2. Государству функцию оказания помощи бедным людям и бедным организациям доверить нельзя, потому что государство решать социальные проблемы не умеет.

3. Именно богатые люди, ставшие богатыми благодаря своему предпринимательскому таланту, сумеют с помощью своего таланта и опыта профессионалов, работающих в благотворительных фондах, куда лучше помочь бедным и решить социальные проблемы.

²⁹ URL: <http://www.asi.org.ru/ASI3/main.nsf/d/blag>

³⁰ Благотворительность в России // Ведомости. - 06.03.2007.

4. Чтобы поток помощи от богатых к бедным увеличился, надо чтобы государство уменьшило налоговые тяготы богатых, стимулируя их помогать бедным.

Постмодернизм вносит коррективы

Никоим образом не преуменьшая значимости благотворительности и социальной ответственности, следует учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, в России идеологию социальной ответственности, как ее понимает западное сообщество, в состоянии принять только крупный бизнес. Для большинства российских предприятий понятие социальной ответственности связано не с добровольным предоставлением социально-значимых услуг местному населению, а с социальными «поборами» со стороны местных властей. Такая социальная роль скорее может трактоваться как социальная нагрузка, а не как социальная ответственность. В сложившихся институциональных условиях средний бизнес не получает ни материального, ни морального эффекта от той социальной роли, которая ему фактически навязывается. Он не имеет никакой защиты от так называемого социального «рэкета».

Во-вторых, в России, как и во многих других развитых странах, резко возрастает количество людей, которых нобелевский лауреат Г. Мюрдаль назвал «underclass'ом»: «ущемленный в своих интересах класс, состоящий из лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов»³¹

Под такое определение подпадает весьма значительная часть граждан современных постиндустриальных обществ. В условиях роста доли национального богатства, присваиваемого «классом интеллектуалов», добросовестного труда наемного работника уже недостаточно для получения дохода, позволяющего относить себя к среднему классу, как это было в индустриальную эпоху. Сегодня, в то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, низкоквалифицированные работники попадают в гораздо более тяжелое положение, так как даже «стабильный экономический рост не может обеспечить их "хорошими" рабочими местами, как это было в прошлом».³²

Все сказанное означает, что ряды относительно неимущих будут пополняться, уровень социальной напряженности повышаться, что, собственно говоря, уже происходит и в развитых странах Запада, и в

³¹ Myrdal G. Challenge to Affluence. New York: Pantheon Books, 1963. P. 10.

³² Danziger Sh., Sandefur G., Weinberg. D. Introduction // Confronting Poverty. Prescriptions for Change. Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996. P. 10.

России. Известный российский социолог Лев Гудков констатирует: «Социальная зависть в стране увеличивается параллельно росту благосостояния. Однако сильнее россияне завидуют не богатым и знаменитым, не олигархам и большим начальникам, которых большинство видит только по телевизору, а чуть более обеспеченным соседям»³³. Что касается богатства и благополучия, то они в «представлении граждан объясняются доступом к власти, злоупотреблениями чиновников, коррупцией, спекуляциями, но никак не модернизацией и ростом производства, эффективностью труда, инновациями»³⁴.

И еще одна цитата: «Если определять в категориях западной системы стратификации, то максимум недовольства и напряжения отмечается в группах, занимающих место между «средненизким» и «низшим» классами. Между теми, кто сохраняет свое прежнее положение или поднялся до него, и теми, кто сегодня стоит на нижних ступеньках социальной лестнице (составляющих нижнюю треть). Напряжение связано со статусной неопределенностью или неустойчивостью социального положения: человек остро переживает свое социальное снижение или, что тоже очень характерно для зон напряженности, он даже реально поднимается вверх, но боится опять опуститься по лестнице социальной иерархии. Вот здесь — на стыке среднего и нижнего уровня статусов — и возникают наибольшее напряжение и наибольшая зависть. Те, кто ниже среднего, соотносят себя со средними и испытывают острый комплекс неполноценности от того, что они не могут достигнуть среднего уровня, быть, по меньшей мере, «как все». Причем напряжение равносильно, поднимается ли жизненный уровень этой группы или опускается. В социально-профессиональном плане, как правило, эти люди — бюджетники, специалисты с высоким уровнем образования и низкими доходами. Здесь фиксируется наибольший разрыв между самооценкой и действительностью, то есть тем, что им, по их представлениям, положено получать, и тем, что они имеют»³⁵.

Все это означает, что идет формирование принципиально новой социальной среды, в которой традиционные схемы и обоснования благотворительной деятельности срабатывать не будут. Можно обозначить основные признаки этой новой социальной среды.

1. Размывается класс нуждающихся.
2. Иссякает энтузиазм благотворителей, которые начинают понимать, что никакими, даже самыми масштабными акциями невозможно решить ни одной более или менее значимой социальной проблемы без участия государства.

³³ Новая русская зависть. – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml

³⁴ Новая русская зависть. – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml

³⁵ Новая русская зависть. – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml

3. Происходит ренессанс государства (например, Российское государство после прихода к власти Владимира Путина взяло линию на концентрацию в своих руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества: властные структуры берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность).

4. Увеличивается (и не имеет тенденции к снижению) количество природных, технологических и социальных катастроф, влекущих за собой огромные человеческие бедствия. При этом каждая такая катастрофа становится и для отдельных государств и для мирового сообщества неожиданностью, поводом для лихорадочных, суматошных действий и привлечения огромного количества дилетантов, пытающихся играть роль благотворителей. Между тем, понятно, что пришло время для создания глобальных систем мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий такого рода катастроф, которыми должны заниматься соответствующие специалисты и специальные фонды.

Что же делать в этих условиях?

Во-первых, вернуться к поиску и обсуждению ответов на поставленные в этой статье вопросы.

Во-вторых, точно определить обязанности государства и межгосударственных институтов в сфере решения основных социальных проблем и позволить ему, государству, иметь для этого достаточные материальные и финансовые ресурсы. Разумеется, при полной прозрачности деятельности власти, с одной стороны, и праве на общественный контроль ее действий, с другой стороны.

В-третьих, расстаться с иллюзией, что благотворительность, какие бы масштабы она не принимала, может решить социальные проблемы.

В-четвертых, благотворительность должна самоорганизовываться не как область деятельности владельцев крупных состояний и обслуживающих их экспертов и профессионалов, решающих, куда направить консолидированные финансовые ресурсы, а как арена массового социального творчества среднего класса. Именно здесь представители среднего класса могут найти ускользающий смысл жизни.

В-пятых, надо найти новую философию благотворительности, дающую убедительные обоснования как для благотворения, так и для получения даруемых благ, чтобы благотворительность рассматривалась обществом именно как возможность установления справедливости и будущие участники социальных процессов не могли говорить о том, что нет смысла рассуждать о справедливости, поскольку ее не существует.

Список литературы

1. Айдинян Р. М. Трактат о счастье. – СПб.: Алетейя, 2008.
2. Александров Д. Системная благотворительность. – URL: <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>
3. Аргайл М. Психология счастья. – М.: Питер, 2003.
4. Благотворительность и богатство. – URL: <http://www.chassidus.ru/library/jacobson/charity.htm>
5. Брюкнер П. Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье. – СПб., 2007.
6. Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знаний. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf>
7. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001.
8. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). – М.: Смысл, 2009.
9. Каверин Б. И. Формирование уровня и качества жизни личности (социокультурное измерение) // Социология образования. – 2008. – № 4. – С. 56–66.
10. Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 138–190.
11. Маджоне Дж. Социальная политика и управление: Идеи, интересы и институты // Политическая наука: новые направления. – С. 589–600.
12. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. – М.: Начала-Пресс, 1994.
13. Новая русская зависть. – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml
14. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008.
15. Римашевская Н. М., Римашевский А. А. Равенство или справедливость. – М.: Финансы и статистика, 1991.
16. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
17. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004.
18. Счастье – компромисс иллюзий и объективности. – URL: http://www.global-project.ru/happiness_map/
19. Тейлор Ч. Неразложимые социальные блага // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18).
20. Тлостанова М. К чему «переходят» переходные общества, или некоторые незападные «лекарства» от риторики модерности. – URL: <http://buscom.hse.ru/materials>

- 21.Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007.
- 22.Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005.
- 23.Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009.
- 24.Ackerman В. The Future of Liberal Revolution. – New Haven & London, 1992.
- 25.Danziger Sh., Sandefur G., Weinberg D. Introduction // Confronting Poverty. Prescriptions for Change, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996.
- 26.Franklin S. S. The psychology of happiness: a good human life. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 27.Gutmann A., Thompson D. Why Deliberative Democracy? – Princeton University Press, 2004. – URL: <http://www.pupress.princeton.edu/chapters/s7869.pdf>
- 28.Herrnstein R. J., Murray Ch. The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life, New York: The Free Press, 1994.
- 29.Myrdal G. Challenge to Affluence, New York: Pantheon Books, 1963.
- 30.Perkin G. The third revolution: Professional society in international perspective. L., 1996.
- 31.Perrot E. Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. – P., 1998. – Vol. 86, N 1.